

Татьяна Михайловна Гордеёнок
Полоцкий государственный университет
имени Евфросинии Полоцкой, Полоцк

**СТРАННИЧЕСТВО ДЛИНОЙ В ЖИЗНЬ:
рецензия на сборник стихов и переводов А. А. Гугнина**

Я В ДАЛЬ ИДУ – КАКАЯ БЕЗДНА ДАЛИ!
ВСЁ ОБОЙТИ УЖЕ НЕ ХВАТИТ СИЛ.
СВЯЗАВ УЗЛОМ ЗАБОТЫ И ПЕЧАЛИ,
Я САМ СЕБЕ СВОБОДУ ПОДАРИЛ... [1, с. 12].

Это четверостишие стало эпиграфом к сборнику стихотворений и переводов, созданных А. А. Гугниным в период с 1957 по 2021 годы и опубликованных после смерти поэта.

Александр Александрович Гугнин – крупный белорусский и российский ученый, доктор филологических наук, переводчик. Значительную часть наследия этого многогранного человека составляет поэзия. На обложке сборника читаем: «Поэзия автора отражает многолетние попытки понять взаимосвязи и взаимоопреплетения природно-физической и духовно-космической ипостасей человеческого бытия с позиций открытости конкретно-чувственному опыту и интуитивного недоверия к абстрагированно-логическим построениям» [1]. Из этой красивой формулировки понятно, что А. А. Гугнин стремился отразить в своих стихотворениях жизнь в разных ее проявлениях, но он не любил абстрактные конструкции и поживался от заумных выражений. Можно смело утверждать, что его поэзия стала продолжением (или началом?) жизненного литературоведения, о котором он так много говорил своим учениками в последние годы.

В небольшом вступительном слове под заголовком «В дебрях жизни» он говорит о питательной среде своего поэтического творчества: о жизненных вехах, иллюзиях и собственных слабостях, о важных встречах и надеждах, о законах жизни, которым подчиняется человек. А в конце он подводит итог: «Всё это – простые мысли, на осознание которых у меня, однако, ушли годы и годы. Стихи же отражают не только заблуждения и прозрения, но также состояния, настроения и чувства» [1, с. 10].

Сборник задумывался еще при жизни А. А. Гугнина. В последние годы он проявлял особой интерес к двум вещам – своим ученикам, с которыми мог часами обсуждать содержание научной статьи или текст диссертации, и поэтическому

слову, которое стало инструментом выражения сокровенных мыслей и уникального жизненного опыта. Концепция сборника зарождалась в обсуждениях, которые поэт вел с верной спутницей жизни, Зоей Марксовной Гугниной. Сохранились черновики тематических разделов, которые должны были сгруппировать отдельные стихотворения А. А. Гугнина: «Радость бытия», «Времена года», «О любви», «Поиски истин», «Философские», «Экзистенциальное», «Раздумья разных лет», «Сонеты», «Посвящения, или Советы родным и близким», «Шуточное».

Обсуждалась и другая идея: разместить стихотворения разных лет в хронологическом порядке. Хотя окончательное решение так и не было принято при жизни А. А. Гугнина, именно хронологический подход лег в основу сборника, и идея эта представляется, на наш взгляд, единственно правильной. Переходя от ранних стихотворений к зрелым и поздним произведениям, мы проживаем с поэтом всю его жизнь: наблюдаем за природой и ощущаем влюбленность, погружаемся в печаль и испытываем разочарование, напряженно ищем смысл жизни и на какое-то время его находим. Читатель путешествует вместе с поэтом по разным городам и странам, иногда ночует с ним в поезде. Мы проникаем в мысли молодого человека, которого увлекает столица, и понимаем зрелого мужчину, которого зовут родные места и который решает начать новую жизнь в Полоцке. Полагаю, что даже люди, хорошо знавшие А. А. Гугнина, откроют благодаря сборнику неизвестные стороны его биографии.

В поэзии А. А. Гугнина особое место отводится Полоте, небольшой речке, которая впадает в Западную Двину у подножия Софийского собора в Полоцке. Именно этой реке посвящено самое раннее стихотворение сборника, которое датируется 1957 годом, а значит было написано в 16 лет. Это стихотворение о природе, в котором передаются впечатления от местности, где берет свое начало Полота:

Здесь, среди природы простой и красивой,
Путь начинает родная река.
Воды блестят тёмно-синим отливом,
Вровень с волнами в траве берега.
Брёвна в различных местах через реку,
Местность вокруг оживляя, лежат,
Новые есть, а иным уж по веку, –
Тиной покрыты, скользят.
И от истоков, в олешник скрываясь,
Речка всё дальше и дальше течёт,
Всюду ручьи и речушки вбирая,
К Полоцку дальнему рвётся вперёд [1, с. 13–14].

В этом еще очень юношеском по форме стихотворении можно, однако, увидеть важные для поэта темы – тему малой родины, природы, мотив странствия.

Уже в первом стихотворении о родной речке слышны философские раздумья о том, как водная стихия соединяет древнее и новое.

С годами поэтический слог оттачивался и усложнялся, однако образ речки Полоты всегда возвращал поэта в детство, к его нехитрым желанием. Стилистической простотой отмечены и более поздние стихотворения, например, «Полота» и «На Полоте», написанные в 1995 году. Река течет через всю поэзию А. А. Гугнина, это любовь на всю жизнь, в которой он признается в позднем стихотворении «Реке Полоте» (2018):

Тихо по речке
Струится вода.
Я эту речку
Люблю навсегда.
 Сколько б ещё
 Ни осталось мне жить, –
 Буду я помнить,
 И буду любить.
Каждый изгиб,
Где струя порезвей
Где на стремнине
Отряд пескарей
 Где на кувшинках
 Стрекозы сидят,
 Смотрят на волны
 И в небо глядят... [1, с. 396].

В раннем творчестве А. А. Гугнина появляется другая локация – строящийся Новополоцк, но и сквозь строительные леса поэт пристально наблюдает за природой («Стройка», 1959). Он был в числе первостроителей города, в бригаде Петра Блохина накопил первый жизненный опыт и затем всегда отдавал предпочтение практике, а не теории. А. А. Гугнин был твердо убежден в том, что человек должен постигать жизнь в самой ее гуще и только потом может на основе полученных знаний строить широкие (в том числе теоретические) обобщения.

Вскоре добавляется еще одна тема – тема любви. Сначала это любовь скорее воображаемая, как, например, в стихотворениях «Трагическая фантазия» (1958), «Фантазии о любви» (1959 / 1960), затем будоражащая («Любе К.»). В стихотворениях «Любовь (1)» и «Любовь (2)» речь идет о страстном, всепоглощающем чувстве:

«Люблю тебя» – во сне я повторяю.
«Люблю тебя» – проснувшись говорю.
И целый день душа, не уставая,
Зовёт к тебе: «Люблю тебя, люблю!»
И всё уходит. Всё в тумане тает

Перед тобой, пред образом твоим.
И образ не даётся, улетает,
Зовёт с собой, и я иду за ним [1, с. 88].

Хронологический подход позволяет увидеть, что любовное чувство с годами трансформируется и перековывается. Это может быть любовь омраченная, горькая, мимолетная, прощальная. В «Стихах для Т. Х.» есть строки:

Всей юности нетронутый огонь
Отдал я, чтоб расплавить скорбь твою,
Я жил, дышал, я так болел тобой! –
Где растерял я эту боль мою? [1, с. 92].

А. А. Гугнин пишет также о любви к близким и посвящает стихи своему отцу, брату или сыну. Особое место занимают стихи, посвященные матери Татьяне Матвеевне. Поэт никогда не обращается к ней напрямую, образ матери воплощается в разных картинах природы: июльский жаркий день («Июль»), сад в лучах солнца и объятиях непогоды («Этюд с натуры»), радуга и голубой цветок («Радость бытия»). Образ Татьяны Матвеевны неотделим для него от образа Природы-Матери, потому что первая дала жизнь, а вторая служит домом и дарит вдохновение:

Лишь только б видеть, как в ростке любом
Из недр земных повсюду льётся благо,
И вся Земля – огромный светлый дом,
Где можно жить, работать, верить, плакать [1, с. 177].

Долгие годы А. А. Гугнин занимался научной деятельностью, руководил центром славяно-германских исследований в Институте славяноведения в Москве и кафедрой в Полоцком государственном университете, стал для сотен людей коллегой, научным руководителем, товарищем и другом. Он умел быть разным. Н. Б. Лысова отмечает в творчестве А. А. Гугнина «поэтический энтузиазм» [1, с. 6] и пишет: «Этот сплав стоического, эпикурейского и просветительского есть признак возрожденческого мышления» [1, с. 6]. Т. Говенько называет его стихи «сфуматопоззией, потому что они вызывают <...> чувства, подобные тем, которые я испытываю, когда “вживаюсь” в полотна Леонардо да Винчи. То, что ты увидела на втором плане оказывается не менее ценным и важным, чем то, что несет слово, смысл которого лежит рядом, на поверхности. <...> Близкое и вечное просвечивают сквозь ткани образов, и ты понимаешь, что вот оно, мгновение, которое может ухватить только Поэт» [1, с. 418]. А. А. Козин указывает на многообразие интересов своего научного руководителя и говорит, что его личность «можно сравнить с великими гуманистами и просветителями прошлых эпох» [1, с. 425].

Мне в свою очередь важно отметить, что в поэзии А. А. Гугнина отражается глубокое знание литературы, которую он преподавал студентам и магистрантам в университете. Бросается в глаза осмысление идей, которые бытовали в немецкой

литературе от эпохи гуманизма до наших дней. Так, например, стихотворение «Лбом стены не прошибешь» (1996) перекликается с проблематикой «дурацкой литературы», которая высмеивала глупцов как носителей различных социальных пороков:

Нет, лбом стены не прошибить,
Пора бы это затвердить.
Но, где скажите, та стена,
Которая для лба нужна,
Чтоб, с ней померявшись, он мог
Понять, что всюду потолок.
Ведь бьёт в любую стену лбом –
Лишь тот, кто тронулся умом [1, с. 260].

Как человек сложный и противоречивый А. А. Гугнин не мог пройти мимо барокко с его антитетичностью. В цикле сонетов «Несовершенство» (1987) поэт активно использует антитезы и риторические вопросы:

Так что же делать: быть или не быть?
Держать иль спать, разрушить иль построить?
Вопросам этим прямо нет числа.
Подумайте: любить иль не любить?
Отдаться чувству или жизнь устроить?
Как ни крути – сгорает жизнь дотла! [1, с. 118].

В поэзии А. А. Гугнина ярко воплощаются мотивы, которые стали ведущими для немецкого барокко. Это, во-первых, мотив *vanitas* с представлением о быстротечности жизни и преходящести всего сущего на земле, который мы столь часто встречаем в сонетах Андреаса Грифиуса. Однако в отличие от немецкого поэта А. А. Гугнин ищет спасение от бренности жизни не в христианстве, а в любви. Эту идею он выражает в «Сонете щедрости» (1981):

Мечты и сны, и взлёты, и паденья –
Всё это дерзкой юности удел.
Блажен, кто насладиться всем успел
И не заметил смерти приближенье.
Жизнь коротка, и смысл её – движенье,
Калейдоскоп больших и малых дел.
Будь устремлён, порывист, дерзок, смел,
И избежишь прижизненного тленья.
Однако знай, жизнь – это решето:
Всё просыпается, разносится по ветру,
И никогда не возвратишь назад,
Что упустил, и дело только в том,
Поймёшь ли ты: как выгодно быть щедрым
И что ценней всего – в любовь внесённый вклад [1, с. 106].

Другим полюсом в немецком барокко становится мотив *carpe diem*¹, который выражал представление о беззаботной, бьющей через край жизни и противопоставлялся идее *vanitas*. Эта идея нашла отражение у Г. Р. Векерлина, М. Опица, П. Флеминга, К. Гюнтера в их застольных, любовных и студенческих песнях. Эпиграф к «Студенческой загульной» (1996), написанной А. А. Гугниным во время пребывания в Тюбингене, прямо отсылает нас к поэзии Мартина Опица, а само стихотворение развивает идею о том, что стремление к радости и веселью присуще человеку изначально:

От знаний что-то душу жжёт –
Настало время оглупляться!
И чем скорей мосты сожжём,
Тем легче будет возвращаться.
Крути баркас, бери разгон,
Другим оставим берег тинный,
И под бутылочный трезвон
Упьюсь радостью старинной [1, с. 269].

Продуктивными стали для А. А. Гугнина и просветительские идеи. В «Сонете о жизни» (1988) использована аллюзия к трагедии И. В. Гёте «Фауст»:

Как разобрать: где истина, где ложь?
Прекрасный есть девиз: лови мгновенье!
Ты ринешься за ним без промедленья,
Но вскорости руками разведёшь... [1, с. 126].

В стихотворении «Неуклюжая философия» (1995) мы подмечаем знание биографии другого видного немецкого просветителя – Фридриха Шиллера², который противопоставлял идеальное действительному и всей своей жизнью продемонстрировал, что сила духа может быть выше господства тела. В стихотворении А. А. Гугнин в ироничном ключе рассуждает о велениях тела и устремлениях духа:

Согласно принятым теорий,
Дух выше тела должен быть,
Как ты на практике, посмотрим,
Сумеешь это подтвердить! <...>
Себя бичуя днём и ночью,
Я смог простую мысль прозреть:
Победа полная над плотью
Не что иное есть как смерть.
Но многим бес меня попутал,
Пока сумел я уяснить:

¹ В переводе с латинского языка – «лови день / лови момент».

² А. А. Гугнин перевел на русский язык книгу Р. Сафрански «Шиллер, или Открытие немецкого идеализма» [2].

Победа полная над духом –
Похуже смерти может быть [1, с. 228–229].

Объектом самого пристального внимания был для А. А. Гугнина немецкий романтизм, что обусловлено несколькими факторами. Во-первых, темой его кандидатской диссертации стала поэзия немецкого романтика Людвиг Уланда. Его литературное наследие А. А. Гугнин кропотливо изучал в тюбингенских архивах, а затем перевел на русский язык отдельные стихотворения поэта, который был мало известен русскоязычной читающей публике. За Уландом последовали произведения других немецких романтиков – Й. фон Эйхендорфа, Ю. Кернера, В. Мюллера.

Во-вторых, А. А. Гугнину был близок романтический культ природы. Его завораживали переходы от света к темноте, а потому в стихотворениях часто появляются месяц, луч, солнце, а также образ ветра. Можно утверждать, что пейзажная лирика – это основа поэтического наследия А. А. Гугнина, которая тесно связана с темой любви и позволяет рассуждать над философскими проблемами. В одном из поздних стихотворений природа органично переплетается с идеей свободы:

Я жизнь прожил, мечтая о свободе,
Но только в детстве я свободу знал,
Когда я раствориться мог в природе
И с верным псом в лесной глуши блуждал... [1, с. 405].

Вслед за романтиками А. А. Гугнин говорит об особой роли поэтического слова и поэта, который способен заглянуть в потаенные глубины Вселенной:

Сколько надо страдать,
Любить, хотеть, терпеть
И бесконечно ждать,
Чтобы Слово сошло к тебе.
Труден к зрелости путь
По колеям земным,
Но Слово верен будь,
Если пойдёшь за ним.
Оно, как цикада в ночи,
Как дальнего дятла стук.
Вслушивайся и молчи –
Спугнёшь и умолкнет вдруг [1, с. 275].

И, наконец, в творчестве романтиков А. А. Гугнин выделяет для себя мотив странничества. Этот мотив привлекает его как переводчика и поэта. Он переводит на русский язык стихотворения Й. фон Эйхендорфа, вошедшие в поэтический цикл «Песни странника». Данный мотив лежит в основе многих стихотворений А. А. Гугнина: «Я – всего лишь печальный странник» (1960), «Мы уйдём в бесконечную

даль» (1960), «Августовские мысли» (1988), «Экзистенциальное» (1990), «Житейско-философские опусы» (1991), «Сыну» (1995), «Тверские сонеты» (1995). Список данный далеко не полон, но он показывает, что странничество стало для поэта ведущим мотивом, а образ дороги служит яркой метафорой творчества и всей жизни:

Так живу я, печальный странник,
Не уставший искать дорог.
Но найду ли – не знаю заранее,
И не ставлю жестокий срок.
Знаю: поиск мой бесконечен,
Как пространства миров и лет.
Я, как смертный любой, не вечен,
Хоть провижу и вечный свет [1, с. 246].

ЛИТЕРАТУРА

1. Гугнин, А. А. Стихотворения. Переводы (1957–2021) / А. А. Гугнин ; вступ. ст. Н. Б. Лысовой. – Витебск: Витебская област. типография, 2022. – 480 с.
2. Сафрански, Р. Шиллер, или Открытие немецкого идеализма / Р. Сафрански; пер. с нем. А. Гугнина. – М.: Текст, 2007. – 557 с.